

Олег ХРАМОВ родился 31 мая 1966 года в Ульяновской области.

В 1988 году окончил Ульяновское военное училище. Впоследствии проходил службу в Вооружённых силах СССР, в органах внутренних дел, в органах налоговой полиции. После выхода на пенсию занимал различные должности на производственных предприятиях Ульяновска.

Пишет стихи и рассказы. Публиковался в литературном журнале «Симбирскъ». Стал лауреатом конкурса одного стихотворения «На Енисейской волне – 2015», организованного альманахом «Новый Енисейский литератор» (г. Красноярск). В этом издании трижды публиковал свои стихи.

В 2016 году стал одним из финалистов Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева, посвящённого 20-летию памяти поэта (г. Санкт-Петербург).

Живёт в Ульяновске.

НАГРАДА

Зимнее утро только-только зарождалось. Свет зари на востоке ещё не прорезался, и приближение нового дня обозначалось лишь тем, что чернильное небо наполнили светло-серые тона, приглушившие звёздное сияние.

Мороз своей жёсткой лапой разрисовал оконные стёкла, но в крепком бревенчатом доме было тепло и сухо. В печи-голландке шипели внесённые с мороза поленья, охваченные красно-синим пламенем. Ритмично тикали большие настенные часы в деревянном корпусе. В передней комнате было темно. Свет не включали. Взрослые берегли детский сон мальчика, спавшего под толстым ватным одеялом. Жаль будить ребёнка. Но всё же пора...

– Алёша, поднимайся, – первоклассника Лёшку трясёт за плечо мать. – В школу пора.

Лёшка проснулся, но глаз не открыл – хотелось спать.

Пока мать отошла от кровати, заспанный мальчишка шустро заполз под огромные пуховые подушки, которые полностью скрыли его, и затих. Из радиопередатчика раздавалась нудная и скрипучая музыка утренних новостей. Эта музыка всегда казалась Лёшке назойливой и нехорошей, а скрипучей потому, что насыщена она была жёстким утренним морозом, который стоял на улице. Выходить из дома и бежать по холоду в школу не хотелось. Мучаясь этой мыслью и голосом диктора, Алёшка уснуть уже не мог, но и расставаться с теплом постели не хотел.

– Господи, да куда ж ты делся? – озадачилась вернувшаяся к кровати молодая женщина.

– Ох ты, бездельник! – смеясь, воскликнула она, когда немудрёная хитрость раскрылась. – А ну-ка, немедленно вылезь и бегом умываться!

Лёшка топает босыми ногами по половикам, по тёплому деревянному полу. Из кухни слышны приглушённые голоса. Он открывает дверь и останавливается на высоком рубленом пороге. Рядом с печью и входной дверью двое – дед и его двоюродный брат дядя Паня. Лёшка смотрит на них, шурясь от света электрической лампочки, но не здоровается. Ему показалось, что дядя Паня с вечера так и не уходил. Когда разыгравшегося сорванца с боем укладывали спать, всё было точно так же: дедушка готовил корм скоту из варённой в громадном чугуне картошки, а

дядя Паня сидел у печи, покуривал и, как обычно, рассуждал. Его речь была глухой и монотонной. Он часто произносил одну и ту же фразу: «Вот я и говорю! Говорю!»

Дедушка слушал рассуждения раннего гостя, изредка кивая головой в знак согласия.

Уже умывшись из рукомойника, Лёшка уселся завтракать за круглый толстоногий стол и прислушался к беседе мужиков. Дядя Паня почём свет стоит костерил американцев, которые грозили войной:

– Это им не просто так! Чай, сейчас не как в сорок первом... Да уж мы и в сорок пятом им подсыпали бы. Скажи, что нельзя только было: союзники, едри иху мать. А вот в сорок первом нам наложили досыта. Уж думали: немцы и не остановятся. Вот я и говорю! Говорю!

– Да ты что-о! – подтвердил дедушка. – Немец тогда и попёр, и попёр. Напугались, что скоро до Волги всё возьмёт. Маленько к сорок второму упираться стали, а то и не знали, чего делать.

– Да и в сорок втором нам насовали, не сосчиташь. Ни хрена у нас ничего не получалось. Меня тогда призывали как раз зимой. На фронт привезли. А чего привезли? Гнали и гнали. Вся обувь истопталась, а всё бежим да бежим.

Дедушка слушал братовы рассуждения молча и сосредоточенно. А тот, дымя махоркой, продолжал:

– Вот я и говорю! Говорю! Наподавали как следоват. Лето уж наступило, а мы так и отступам. Выдали нам шапки эти, как коровий зад, а патронов по три штуки только. И мы о-опять бе-ежать. Меня в ногу ранили, немцы и догнали. А потом в Германию.

Дед, не глядя на собеседника, с сожалением мотнул головой:

– Когда в плен попал, крепко лупили?

– Не-ет. Потолкали немножко и всё. Нас там не знаю сколько было... Тьма. Всех разве отлупишь? Это ещё спасибо сказать надо, что не в лагерь попал, а к бауэру. Батрачить заставили! Ну, хоть не голодные были. И то уж хорошо.

– Бауэр-то этот чего? – спросил дедушка, – Вредный был? Бил или нет?

– Так я и говорю! Говорю. Вроде ничего такого не было. Так только, покричит, и ладно. А кто его знает, чего он там на своём орёт? Ругнёшь его по-нашему... и всё. Он поначалу не понимал: глаза вы-

пучит, таращится. Не знал брюхатый, чего мы про него говорим. А-а потом стал понимать! То хлестанёт чем-нибудь, а то еды поменьше даст. Как наши пошли в наступление, он и на матерные слова перестал обижаться. Так вот я и провоевал. Считай, без малого три года на дворе у бауэра. Как освободили нас – сразу проверять давай. После проверки опять в часть определили, – дядя Паня махнул скрюченной ладонью с зажатым в ней окурком. – А уж тут и война кончилась.

Дед молча ухмыльнулся, продолжая месить харчи для скота, зимующего в хлеву. Его собеседник, сидя на краю дивана, скрестил тощие ноги и упоительно затянулся горькой и вонючей махоркой. Затем кашлянул, глядя на Лёшку, и опять произнёс:

– Вот я и говорю! Говорю...

Но дальше продолжать не стал, о чём-то думая.

– Это ещё повезло тебе, – внезапно начал дедушка. – В лагерь, видишь, не попал.

– Если б попал, и живого меня не было бы! – тут же ответил Павел. – В лагере чего только наши не натерпелись. За кусок хлеба целый день надрывались, оголодали до костей. Хуже всех было тем, кто курил. Они хлеб на табак меняли. Так и поумирали большинство голодной смертью. Вот как!

Дедушка бросил в ведро, с кормом два ковша зерновой посыпки и опять принялся мешать. Но мгновение спустя остановился и, глядя брату в глаза, заговорил:

– Эх, Павел, не знаю, как в плену выживали. Не дай Бог туда попасть. Если уж у нас в тылу страсть что было... Каждое утро из казармы по пять, а то и по шесть человек выносили. С голоду помирали. Э-эх!

Дед махнул рукой, измазанной варёным картофелем, отвернулся и как-то тяжело замолк. Дядя Паня задумчиво глядел на Лёшку, допивающего чай с молоком:

– Вот я и говорю! Говорю... Что? Совсем, что ль, не кормили?

– Кормили, да разве это еда для мужика – пятьсот граммов хлеба на день. Двенадцать часов железки потягай-ка. Хлеб этот в руки берёшь и дрожишь: как бы крошки не просыпать.

– А что там за железки у вас были?

– С фронта составы приходили: технику и оружие разбитые везли.

Дед Павел насторожился:

– Нашу, что ль, технику-то?

– Всякую... И наши танки, и немецкие. Всё в переплавку...

– Ну это ты просто вольнонаёмным, выходит, был, – подытожил брат.

– Не-ет, Павел. Нет. В форме мы ходили. И пилотка на мне такая же была, как у тебя. Только форму нам не со складов выдавали, а с убитых... Отстираешь её, дыры заштопаешь и носишь. В железнодорожных войсках я был.

Лёшка к этому времени закончил завтракать и в передней комнате собирал ранец. Дверь на кухню он специально оставил приоткрытой. Ему очень хотелось дослушать разговор про войну. Было жутко интересно, хотя многого он не понимал. Он всё ждал, что начнут говорить про то, как стреляли и крушили врага. Рассказ про переплавку танков и

жизнь у какого-то бауэра тоже хороший, но всё это было не то, по его детскому пониманию, и он жадно ловил каждое слово. А дедушка тем временем продолжал:

– А уж сколько узбеков у нас поумирало. О-ой! Каждый день кого-нибудь из них выносили. Они больше от холоду. Не могли нашего мороза вынести. Только подмёрзнет, и двигаться перестаёт. Встанет, как ёлка враскоряку, и всё. Их опосля стали назад, по домам отправлять. Иначе все бы померли.

Дед уже закончил своё дело и стоял в дверях, готовый идти кормить скотину. Однако брат, докуривая махорку, набитую в газетный клочок, внимательно слушал, вынуждая деда не прекращать рассказ. Загасив окурочек, вдруг спросил:

– Ну а ты как же? Уцелел?

– Вот видишь – живой.

Дед надел на голову шапку с опущенными ушами и взял в руки ведра:

– Я ещё по ночам на хлебозавод бегал подрабатывать. Вот там за ночную смену мне давали целый кирпичик хлеба.

– Вот я и говорю! Говорю... Тебе, выходит, тоже повезло.

– Как же не повезло? Ещё как повезло-то! У нас там двое на хлебозавод подрядились было. Пока никто не видал, в бункер с мукой попрыгали, не вытерпели с голоду. Думали муки наесться. Так там и остались. Задохлись.

Павел изумлённо поглядел на брата:

– Чего это они?

– Ну ты подумай, сколько тонн этой муки в бункере. Он здоровенный. Им мука всё залепила: и рот, и нос. Как прыгнули, она, видать, и поднялась. Набилась везде, и в лёгкие тоже. А я вот живу. Стало быть, повезло.

Дед отвлёкся от разговора и переключился на внука:

– Ну что? Пошёл? Вот молодец. Старайся, учись.

Дядя Паня строго посмотрел на юного школьника и скрипуче спросил:

– Олёшка, ты как учишься? Пятёрошник?

Лёшка застеснялся, не зная, что ответить. Выручила мать:

– Неизвестно ещё, дядь Пань. Им вот только отметки стали проставлять.

Дядя Паня опять назидательно заговорил:

– А ты учись, учись! Каким-нибудь начальником станешь.

Лёшка, ступая к выходу по мёрзлым половицам сеней, услышал из-за захлопнувшейся за ним двери назидательный голос:

– Вот я и говорю! Говорю!..

* * *

Завершался учебный год и первый Лёшкин класс. Снег сошёл, оставаясь только в ложбинах, куда ещё не проникли солнечные лучи. Повсюду на разный лад трещали скворцы, а с полей задул по-настоящему тёплый ветер. Начались майские праздники.

Лёшка после школы наскоро съел тарелку щей и с усердным сопением принялся что-то мастерить на подоконнике.

С кухни вошёл дедушка. Он пообедал и, по своему обыкновению, прилёг на диван, чтобы успеть немного отдохнуть, пока не закончился обеденный перерыв. Лёшка поднял глаза и возбуждённо заговорил:

– Деда! Деда! Смотри, дядя Паня куда-то собрался. И медаль пристегнул.

Дед поднялся и подошёл к окну. По улице торжественно шёл его брат. Выглядел он непривычно. На нём был строгий коричневый костюм. В костюме деду Паню Лёшка никогда не видел. Тот всегда ходил в фуфайке-телогрейке и в широких штанах, заправленных в сапоги. И сейчас городской костюм с белой рубашкой на его сутулой и тощей фигуре смотрелся необычно и не совсем ладно.

– Куда это он? – спросил Лёшка.

Дед, внимательно провожая взглядом Павла, ответил:

– Сегодня ветеранов в клубе собирают, ко Дню Победы.

– А ты почему не пошёл, деда? Ты же был на войне.

– Там фронтовиков собирают, а я на фронте не был.

Дедушка отошёл от окна и сел на диван, удобно вытянув ноги.

– А где же ты был?

– Я был на военном заводе в городе Свердловске.

– Так ты что, не воевал? – разочарованно проговорил Лёшка.

– Нет. Не воевал. Мне того, что я там насмотрелся, на всю жизнь хватит.

– И медалей у тебя нет? – совсем уж обиженно

допытывался внук. Ему так хотелось нацепить на грудь хоть какую-нибудь дедову медаль и поносить, похвастаться перед соседскими мальчишками.

– Нет, медалями по службе своей я не награждался.

– И что, совсем-совсем нет никакой награды? – всё ещё лелеял надежду Лёшка. Ему думалось, что дед может обмануть его и не сказать про какую-нибудь медаль, чтобы не дать поиграть ей. Ведь прятала же бабушка от него конфеты, до которых Лёшка был неудержимый охотник и мог за один раз съесть целый кулёк, а то и больше.

– Нет, Алексей, нет у меня никаких военных заслуг. Значит, и медалей нет.

– Ну-у вот! Был бы ты на фронте и с медалью, тебя тоже пригласили бы в клуб. – совсем уж разобиделся первоклассник.

– Ох и до чего же ты глупый! Слава Богу, я живой вернулся! Никаких других наград не надо. Вот это – самая главная награда.

Лёшка поначалу подумал, что дедушке, наверное, обидно, ведь он не получил приглашение, как все участники войны, но в словах деда обиды не услышал. Он бросился на диван и прижался к его плечу. Лёшке показалось, что дедушка не всё ещё рассказал про свою службу в Свердловске. А тот обнял его, до боли стиснув хрупкое плечо. Так они просидели некоторое время, и вдруг дедушка, обращаясь к кому-то невидимому, произнёс:

– Никаких клубов не хватит, если всех кто с войны не вернулся, пригласить. Их бы в первую очередь поздравлять надо. Да уж не получится...

Примечание: Бауэр (*Bauer* – нем.) – крестьянин.

